

УДК: 821.111.09=111

АВТОРСКАЯ МАСКА КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Н.Ю. ШИШКОВА*(Полоцкий государственный университет)**n.shyshkova@psu.by*

Рассматривается авторская маска как литературоведческое понятие. Представлены основные типы маски и основные подходы к ее пониманию. Особое внимание уделяется литературоведческому подходу. Рассмотрены основные функции маски. Проанализированы трудности, возникающие у читателей и литературоведов, в связи с двойственной природой маски, а также в связи с различными способами мистификации, используемыми авторами, в частности У.М. Теккереем – великим психологом и мастером мистификации. Приведены различные точки зрения относительно возможности присутствия реального автора в произведении и его непосредственного общения с читателем. Рассматривается проблема отсутствия терминологической определенности и проблема терминологической двойственности в отношении понятия «авторская маска». Приводится определение феномена авторской маски. Рассматривается история возникновения термина «авторская маска».

Ключевые слова: авторская маска, нарратор, мистификация, повествование, автор.

Введение. На современном этапе отмечается повышенный интерес ученых к феномену маски, и нет на сегодняшний день гуманитарной науки, которая не изучала бы маску с той или иной позиции, в том или ином ракурсе.

Маска является неизменным спутником человека культурного и постоянно присутствует в его жизни. Смыслов, форм, типов и функций маски великое множество, с течением времени они меняются, становятся все более разнообразными.

Основная часть. Рассматривая маску как социальный и культурный феномен в ее развитии, ученые выделяют следующую культурно-историческую последовательность типов маски: ритуальная, карнавальная, социальная. А.С. Костомаров рассматривает маску не как способ сокрытия, а как способ объявления лица в социокультурном пространстве, выделяет также маску индивидуальную [1]. О.М. Гребенникова в своей диссертации изучала сущность, функции и генезис маски в социокультурном пространстве и пришла к выводу, что рождением маски является не ритуальная маска, а морфологические признаки животных и их особые поведенческие механизмы – именно они являются прообразом маски, которая на данном этапе выполняет лишь защитно-адаптационную и демонстративно-коммуникационную функцию, способствуя выживанию особей [2].

Некоторые науки используют термин «маска» лишь sporadически, а в некоторых науках маска является постоянным элементом их понятийного аппарата. К осмыслению феномена маски существует великое множество подходов: исторический, философский, лингвистический, социологический, психологический, литературоведческий, а также и многие интегративные подходы: культурно-философский, историко-этнографический, философско-антропологический и т.д.

Согласно литературоведческому подходу маска рассматривается «как одна из форм литературной образности» [3]. Типов литературных масок великое множество. Многие ученые предлагают свою типологию маски литературной. Так, например, С.Г. Исаев в своей книге, посвященной литературным маскам, предлагает свою довольно широкую их классификацию [4].

Авторская маска привлекает особенно пристальное внимание литературоведов. Внимание и интерес ученых к данному понятию вызван, видимо, двойственной природой маски, которая одновременно служит и для выявления, и для сокрытия субъекта. Так, А.А. Климонтова считает, что, вводя в произведение особую фигуру или маску автора, автор тем самым «выставляет свой лик на всеобщее обозрение» [5].

О.Ю. Осьмухина считает главной функцией авторской маски напротив сокрытие подлинного облика автора, его имени. Тем не менее, по мнению О.Ю. Осьмухиной, не смотря на использование авторской маски как средства мистификации и сокрытия лица, исследование ее помогает определить «формы авторского присутствия в тексте, дифференцировать биографического автора от его текстовых воплощений, а также конкретизировать типы взаимоотношений автора с персонажами» [3], получить информацию об авторе произведения, поскольку она неразрывно связана с создателем художественного текста, «предстает одним из способов самовыражения автором самого себя в пределах текстового пространства с присущими лишь ему индивидуальными особенностями мироощущения, мировоззрения, стиля» [3].

Феномен авторской маски также вызывает и огромное количество трудностей, как у читателей, так и у литературоведов. В результате использования псевдонимов, мистификаций, в результате репрезентации автором себя в роли фиктивного автора-нарратора в пределах художественного текста читатели

зачастую не способны отличить маску от создателя текста и приписывают высказывания, поступки, взгляды, убеждения образа фиктивного автора в произведении (т.е. его маски) реальному человеку. Использование повествования от первого лица чрезвычайно мощное средство мистификации, так как создается впечатление, что к вам обращается сам автор, вы начинаете доверять ему, прислушиваться к его мнению, сопереживать. Использование обращений типа, «дорогой читатель», «дорогие друзья», «прекрасная юная читательница», многочисленных отступлений, предисловий и послесловий лишь усиливают это впечатление. Еще более затрудняющим для читателя может стать использование сочетания повествования от первого и третьего лица, тогда при переходе повествования от, например «он сломал печать и начал читать...» к «Итак, продолжаю...», «У меня давно сложилось убеждение...» появляется ощущение, что вот это уже точно автор, сам реальный автор, создатель данного произведения обращается к своему читателю. По мнению В.А. Смолла «несмотря на повсеместное использование терминов «повествование от первого лица» и «повествование от третьего лица», очевидно, что мы, когда читаем, всегда подразумеваем «Я» которое говорит с нами, даже если местоимение первого лица не используется...» «Разница между повествованием от первого и от третьего лица заключается лишь в преобладании в тексте местоимений того или другого лица» [6, с. 6].

У.М. Теккерей использует в своих произведениях разные типы повествования, он поистине великий психолог и мастер мистификации. «Слишком много у него обличий. Кукольник, дергающий своих героев-актеров за веревочки, то он вдруг становится в позу и объявляет, что не имеет к описанному никакого отношения, то, махнув рукой на им же самим придуманные правила, вдруг втискивается в карету, где едут его герои, и, позабыв, что сюжету полагается развиваться динамично, начинает пространно комментировать слова и поступки героев. Или же, прервав повествование, обращается к читателю напрямую с задушевной, поучительной беседой» [7, с. 7].

В своих очерках о снобах Теккерей использует и повествование от первого лица как единственно-го, так и множественного числа, и от третьего лица. Он мистифицирует читателя множеством несоответствий: так Теккерей подписался своим настоящим именем, повествование ведется в основном от первого лица, по сюжету автор книги работает в журнале Панч (где как раз в это время Теккерей и работал), его жену зовут Бесси (жену Теккерей звали Элизабет) – казалось бы, все понятно, и с читателем разговаривает сам автор, напрямую и без посредников, но в то же время на страницах книги у автора имя Фрэнк Сноб, и он причисляет себя к снобам, как это следует из названия книги «Книга снобов, написанная одним из них», а в главе о литературных снобах при этом говорится, что среди писателей и литераторов снобов нет.

И не только читатели испытывают подобные затруднения. Так, например, В.А. Смолл в своей монографии приводит слова Бертила Ромберга, который считал, что автор может присутствовать в произведении и сам напрямую обращаться в своем творении к читателю без использования каких-либо вымышленных персонажей в качестве посредника, что в повествовании, которое ведется от первого лица, существует «я» реального автора и «я» нарратора, которые следует различать. В качестве примера он приводил произведение У.М. Теккерей «Ярмарка тщеславия» и утверждал, что «я» Теккерей в данном романе четко слышится и словно «стоит отдельно от повествования, как будто в стороне от него или же над ним». [6, с. 28] Другим же мнением является то, что автор никогда и ни при каких обстоятельствах не может появиться на страницах своего произведения как реальное лицо, т.к. реальную личность в его окружающей действительности невозможно воспроизвести в художественном произведении» [6, с.20].

Даже если автор «создал автобиографию или правдивейшую исповедь, все равно он, как создавший ее, остается вне изображенного в ней мира» [8, с.405]. «Только лишь из-за своего присутствия в художественном произведении, в вымысле «Я» автора тут же становится вымышленным, становится частью того вымысла, который он поставил себе целью написать» [6, с.20].

Подтверждение того, что автор, как реальное лицо не может появиться на страницах произведения, что при написании текста у его создателя могут быть жизненные трудности, заботы, его могут посещать мысли и чувства, никак не связанные с событиями, описываемыми в произведении, мы находим на страницах романа опять же У.М. Теккерей «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага»: «Другие мысли, занимавшие его всегда, даже во время работы, никак не отразились в его писаниях: лишь те немногие, кому был знаком его слог и его имя, могли отметить в его работах этой поры более грустный тон, более горькую и раздраженную иронию...», «Думается мне, что лицо арлекина под маской всегда серьезно, если не печально – и, уж конечно, всякий, кто зарабатывает на жизнь своим пером, прочитав эти строки, вспомнит собственный опыт, и в памяти его воскреснут долгие часы, проведенные в одиночестве и трудах. Как неотступно сидела у его стола забота! Возможно, в соседней комнате поселилась болезнь – там лежал в горячке ребенок, и мать сидела у его изголовья, снедаемая страхом, пытаясь молиться; либо его постигло тяжелое горе, и жестокий туман застилал глаза, так что он еле видел бумагу, на которой писал, и только неумолимая нужда подгоняла его перо» [9, с. 348].

Второй проблемой, волнующей литературоведов и критиков в отношении понятия авторской маски, является отсутствие терминологической определенности. И действительно, термин авторская маска используется многими исследователями, круг работ, посвященных изучению проблемы авторской маски, широк и разнообразен. Однако некоторые исследователи обращают внимание на «некоторую размытость и терминологическую непоследовательность» [3] при использовании данного термина, отмечают, что в ряде работ термин авторская маска смешивается с понятиями амплуа, псевдоним, имидж, образ автора. Некоторые ученые указывают на то, что данное понятие требует детализации, что в некоторых работах используется слишком широкое определение данного термина или же что определение не приводится вообще, так же как и характерные черты, функции и способы построения авторской маски. С.Г. Исаев отмечает, что многие из аспектов данного понятия остаются недостаточно изученными, и что без их ясного осознания «само понимание концепции авторской маски редуцируется к метафорическому» [10, с. 191]. Также многие литературоведы и критики обращают внимание на «терминологическую двойственность» при обозначении одного и того же явления [3]. И действительно, в англоязычной литературе мы находим несколько терминов, которые, по сути, обозначают то же самое, что и авторская маска на русском языке. К этим терминам можно отнести *authorial mask*, *author's mask*, *persona*, *narrator*, *authorial persona*. Также можно встретить термины *authorial narrator persona*, *the persona of the narrator*, *narratorial persona*.

О.Ю. Осьмухина, рассмотрев основные пути исследования феномена маски и авторской маски в отечественном и зарубежном литературоведении и разработав свою концепцию авторской маски, приходит к выводу, что введенная постмодернистами дефиниция «авторской маски», обозначает, по сути, ту же самую инстанцию, которая в нарратологии называется «фиктивным автором» и предлагает под авторской маской понимать «форму репрезентации автора «реального» в пределах художественного произведения, воплощенную в образе фиктивного автора-нарратора, который мистифицирует читателя игровым тождеством / несоответствием (биографическим и стилистическим) с ним и выдает предлагаемый читателям текст за собственное сочинение» [3]. С.Г. Исаев считает, что данное определение термина на сегодняшний день является общепринятым. В.А. Смолл также считает, что авторская маска и нарратор – понятия взаимозаменяемые, однако он уточняет, что термин авторская маска применим не ко всем типам нарраторов и, описывая некоторые основные их типы, выделяет лишь один тип нарратора, к которому можно применить термин авторская маска или *persona* [6].

Считается, что термин «авторская маска» (*authorial mask*) был введен Малгремом как некий связующий центр фрагментированного повествования, лишённого закономерности и последовательности, и хаотичной композиции постмодернистского романа с целью поддержания коммуникации с читателем. Именно авторская маска служит «камертоном, который настраивает и организует реакцию имплицитного читателя, обеспечивая тем самым необходимую литературную коммуникативную ситуацию, гарантирующую произведение от «коммуникативного провала» [11, с. 182]. Однако термины «*persona*», «*narrator*», которые на русском языке также звучат как «авторская маска», по мнению исследователей, появились уже в эпоху романтизма.

Присутствие же нарратора как литературного феномена А.Д. Моррисон отмечал еще в древнегреческой и эллинистической литературе [12]. А что касается русской литературы, то О.Ю. Осьмухина отмечает, что авторская маска уже присутствует в древнерусской словесности, в таких жанрах как, например, эпистолярная проза, травелог, моление, которые не вписывались в существующие каноны и которые могли содержать автобиографические сведения, а также размышления автора.

Интересным в этом отношении представляется мнение Элспет Яйдельска, которая считает, что необходимость в нарраторе появилась в результате смены модели чтения, появления чтения «про себя». В конце XVII в. появилось достаточное количество людей, умеющих читать, и произошла смена стиля написания произведений, а этот новый стиль письма в свою очередь стал результатом появления новой модели чтения – чтения как слушания, а не чтения как говорения. При чтении вслух происходит идентификация автора и читающего текст. Читатель является и говорящим, «становится устами автора, со словами писателя на языке» [13]. При чтении вслух слушатели видят мимику и жесты читающего, и это влияет на их восприятие текста. Автор, который пишет произведение для чтения вслух перед аудиторией, предполагает участие чтеца с его мимикой жестами, интонацией. Автору, который пишет для чтения про себя, необходим фиктивный автор, который будет обращаться к читателю. При чтении про себя не происходит идентификации автора с кем-то, кто читает этот текст вслух, а читающий словно слышит слова автора внутри себя, происходит молчаливое участие в воображаемом диалоге между автором и читателем, происходит внутренняя встреча воображаемого голоса в тексте и слушающего читателя [13].

Заключение. Итак, несмотря на довольно позднее появление самого термина авторской маски, проблема авторской репрезентации в произведении еще несколько веков назад привлекала внимание литераторов и критиков, и феномен авторской маски, несомненно, имеет глубокие литературно-исторические корни. Эта проблема и на сегодняшний день остается весьма актуальной. Ученые и иссле-

дователи во всем мире продолжают изучать данное понятие. Появляются все новые аспекты проблемы, которые требуют рассмотрения, определения, изучения, конкретизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров, А. С. Маска как способ объявления лица в социо-культурном пространстве [Электронный ресурс] / А. С. Костомаров // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/maska-kak-sposob-obyavleniya-litsa-v-sotsio-kulturnom-prostranstve>. – Дата доступа : 15.05.2015.
2. Гребенникова, О. М. Маска в социокультурном пространстве: генезис, функции, сущность [Электронный ресурс] / О. М. Гребенникова // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/maska-v-sotsiokulturnom-prostranstve-genezis-funktsii-sushchnost>. – Дата доступа : 29.04.2015.
3. Осьмухина, О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг. [Электронный ресурс] / О. Ю. Осьмухина // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/avtorskaya-maska-v-russkoi-proze-1760-1830-kh-gg>. – Дата доступа : 3.05.2015.
4. Исаев, С. Г. Литературно-художественные маски: теория и поэтика. / С. Г. Исаев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. – 335 с.
5. Климонтова, А. А. Формы авторского присутствия в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» / А. А. Климонтова // Вестн. Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 72. – С. 33.
6. Small, V. A. The authorial persona: A truth conditional account [Electronic resource] / V. A. Small // University of Canterbury Research Repository. – Mode of access: http://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/10092/4854/1/small_thesis.pdf. – Date of access: 13.04.2015.
7. Гениева, Е. Теккерея в воспоминаниях современников / Е. Гениева // Литературные мемуары ; редкол. : Н. Балашов, Д. Затонский, П. Палиевский [и др.]. – М. : Худож. лит., 1990. – 527 с.
8. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
9. Теккерея, У. История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага : роман / У. Теккерея ; пер. с англ. М. Лорие // Собрание сочинений : в 12 т. – М. : Худож. лит., 1977. – Т. 6. – С. 5–406.
10. Исаев, С. Литературные авторские маски и превращения / С. Исаев // Балтийский филологический курьер : научный журнал – 2011. – № 8. – С. 190–203.
11. Ильин, И. П. Авторская маска / И. П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины : энциклопед. справочник. – М. : Интрада–ИНИОН, 1999. – С. 182–184.
12. Morrison, A. D. The Narrator in Archaic Greek and Hellenistic Poetry / A. D. Morrison. – Cambridge University Press, 2012. – 372 p.
13. Jajdelska, E. Silent Reading and the Birth of the Narrator / E. Jajdelska. – Toronto : University press, 2007. – 222 p.

Поступила 27.10.2015

AUTHORIAL MASK AS A LITERARY NOTION

N. SHYSHKOVA

This article deals with the notion of authorial mask in literature. The main types and main approaches to its understanding are mentioned. Special attention is given to the literary approach. The main functions of mask are considered. Some difficulties encountered by readers and even literary critics due to dual nature of mask and also due to various ways of mystification used by writers, by W.M. Thackeray – great psychologist and master of mystification in particular, are analyzed. Different points of view on an issue of a real author's presence in his work and of his direct communication with a reader are provided. The problem of terminological inexactitude of the notion "authorial mask" is considered. Definition of the notion "authorial mask" is provided. The origin of the term is reviewed.

Keywords: *authorial mask, narrator, mystification, narration, author.*